

ДЖИНСЫ ОТ АБРАМА

К весне мясо заколотой на Новый год свиньи закончилось, картошку уже не на чем было жарить, и мать в воскресенье решила сходить на Большой базар — купить каких-нибудь продуктов.

— Детки, что вам принести? — спросила она, вертясь перед зеркалом жёлтого шифоньера со скрипучей дверью.

Сестра валялась на кровати с книгой, на мгновение она вскинула голову, убрала за уши свои иссиня-чёрные волосы и, промяукав:

— Цади хочу, — снова погрузилась в чтение.

Да уж, губа у неё не дура, но, чтобы испечь цади, нужны кукурузная мука, хороший жёлтый сыр, желативно из Цона, сметана или мацони, плюс растопить дровяную печку во дворе под старым айвовым деревом — в общем, целое дело.

Мелкий, отшвырнув свою игрушечную машинку, запрыгал перед мамой:

— Конфет соколадных хапу, есё цурцхелу и халву!

— Конечно, сынок, для тебя всё что угодно. Поди сюда к мамочке, чмок, мой сладкий, ещё разочек, ну всё, с тебя хватит, теперь играй себе! А тебе что купить, Таме?

Я тяжело вздохнул и, опустив голову, выдал из себя несколько слёз:

— Ты сама знаешь что — джинсы...

— Нет, он с ума меня сведёт! — мама театрально схватила за голову. — Мы с голоду пухнем, а ему джинсы подавай!

— Мои друзья все во вранглерах да монтанах рассекают, Бесе и то купили гэдээровские, а я хожу в этих дурацких советских!

— У меня тоже нет джинсов, — сказала сестра. — И, как видишь, не ною, а я, между прочим, старше тебя на три года. И вообще, ты мешаешь мне готовиться к выпускному экзамену, debil!

— Неправда, у тебя есть белая джинсовая мини-юбка! И не стыдно тебе задницу свою на улице показывать?

— Заткнись, дурак! — сестра проворно, точно кошка, соскочила с кровати и хлопнула меня по башке толстым учебником, но я даже не пошатнулся, мои кривые борцовские ноги и не такое выдерживали.

Ну вот, сама напросилась: я кинул её через бедро.

Сестрица полетела

Тамерлан
ТАДТАЕВ

г. Цхинвал,
Южная Осетия



обратно в свою кровать, я навалился сверху и забавы ради стал её душить, хоть она кусалась и царапалась как бешеная. Мать оттащила меня от неё и уже покорно, смирившись, спросила:

— Сколько стоят эти проклятые джинсы?

— Луба дала мне двадцатку! — праздновать победу было ещё рано, и я был осторожен, будто вышел в финал и рубился с соперником за первое место: — Если ты подкинешь тридцатку, Абрам за полтинник обещал достать фирменные джинсы...

— Что ещё за Абрам? — насторожилась родительница.

— Еврей, у которого Беса купил свои гэдэ-эровские.

Мама попросила меня выйти из комнаты, чтоб я не пронюхал, где она хранит деньги. Наивная, я уже нашёл тайник: в шифоньере на верхней полке между семейным альбомом и домовою книгой, — откуда, собственно, и стащил эти самые двадцать рублей.

Насчет тётки я, конечно, солгал — она сейчас в Цоне, преподаёт там физику в школе и давно не появлялась на своей половине. Дом наш поделён на две равные части, в одной живём мы, в другой обитает тётя Луба. По правде говоря, я не понимаю, чему она может научить детей. Наверное, лупит своих учеников указкой или мелом в них швыряет. Обычное дело, она даже со своей родной сестрой, моей мамой, не может ужиться. В последний раз она приезжала на зимние каникулы и закатила такой скандал, что у отца побелели усы, а пальцы к утру стали восковые от табака — столько он выкурил за ночь сигарет.

Однако всё по порядку. Лубе в первый же вечер своего пребывания в городе стало скучно на своей половине, и она постучалась к нам с мешком дикого фундука, двумя головками жёлтого сыра, топлёным маслом и ещё какими-то гостинцами. С пустыми руками она никогда бы не припёрлась, но за подарки мы платили дорого. Мать открыла дверь, и мы, три её племянника, в восторге налетели на Лубу, затащили в дом и давай обнимать-целовать. Я чувствовал, что веселье скоро закончится, и заранее набивал карманы вкусными орешками. Впрочем, вёл себя я осторожно, чтобы она не подумала, будто не рад

ей. Я ведь ещё червонец отрабатывал, который она при входе тайком сунула мне в карман. Я уже и на пальцах ног перед ней прошёлся, и на руках попрыгал, сделал сальто на месте, на мостик встал — для меня, впрочем, такие упражнения сущие пустяки — как-никак с четвёртого класса занимаюсь борьбой.

Но тётке невозможно угодить, она найдёт, к чему придраться, и вот уже стул летит в сторону, она вскакивает, будто ей зад кто скипидаром мазнул. И ведь не поймёшь, что её больше разозлило: то ли отец часто выходил покурить и трепался во дворе с соседом, с которым резал свинью, то ли шашлык на её тарелке оказался слишком жирный. Луба открыла златозубую пасть, и страшные проклятия попеременно с матом обрушились на мою бедную матушку. Но на этот раз Луба получила достойный и справедливый, на мой взгляд, отпор. Мать, подбоченившись, грозно подступила к своей старшей сестре и зарычала: «Ага, зачесалось! Мужика хочешь? Только моего ты не получишь, ну-ка выметайся отсюда, и чтоб ноги твоей в моём доме не было!» Луба — прыг к раскалённой буржуйке, хватъ с пола кочергу и, размахивая ей, как саблей, рванула к двери, возле которой отец молча завязывал шнурки на ботинках. Папа, огромный, под два метра, забился в угол, освободив проход, и тётка вылетела во двор. Мать швырнула ей вдогонку тёплые, на цигейке сапоги, шубу и полмешка дикого фундука. Сыр из высокогорного села она решила оставить, потому что уже пообещала испечь пироги.

За стеной захлопали двери, загремела посуда: Луба никак не могла успокоиться и носилась на своей половине, как ведьма на шабаше, выла, как стая волков, но мы уже привыкли к её буйному нраву. Я спокойно колол орешки, у меня от них уже температура поднялась. Мать села вязать носки. Отец, облокотившись о подоконник, курил крепкие, без фильтра сигареты. В полночь он дал отбой, и мы потихоньку стали перебираться в нагретую электрической плитой спальню с окнами на улицу. Я прыгнул в свою кровать и пытался согреть ледяное одеяло, в которое закутался с головой, и тут — бац! — зазвенели разбитые стекла, я подскочил в своей постели. Включился свет, за окном бесновалась Луба, а по полу катился камень...

— Ну давай иди и не оборачивайся, — мама ждёт, пока я не исчезну за дверью.

Гордый, как чемпион, одолевший своего давнего соперника, я качу через комнату и по дороге спотыкаюсь о мелкого. Обычно шумный, он притих, и я чуть не раздавил его, а он, оказывается, перевернул на спину большого чёрного жука, должно быть, вылезшего из щели в полу, и тычет пальцем в брюхо. Меня уже кусала такая дрянь — я наступаю на жука, и он хрустит под моей тапкой. Раздаётся рёв, я поднимаю с пола братишку, обнимаю его, такого родного, целую пухлые мокрые щёчки и шепчу:

— Не плачь, я принесу тебе много чурчхел, только обещай не водиться с жуками, держись от них подальше, малыш.

В еврейском квартале по воскресеньям настоящая толчея, бабульки и дедули из близлежащих сёл приезжают сюда и раскладывают свои товары прямо на дороге, и надо быть осторожным, чтоб не наступить на пирамидки яблок, айвы или связанную ошалевшую курицу. Большой базар и примыкающий к нему скотный рынок чуть дальше отсюда, но до слуха доносятся крики поросят, мычание коров, телят, блеяние коз, овец. Под высокими ветхими балконами древних, как Библия, домов на козырных местах стоят лавки обитающих тут евреев. Я дёргаю маму за рукав плаща и показываю на высокого худого человека:

— Вон он, Абрам!

Продираюсь вперёд и вижу на лавке перед ним настоящие джинсы, правда, протёртые до дыр. Но это не смущает меня — главное, чтоб размер подошёл.

Мать подходит, брезгливо смотрит на штаны и говорит:

— Даже не думай...

— Мама, пожалуйста, давай купим, потом требуй с меня что хочешь, я всё сделаю!

— И ты наденешь такую рвань? Да я тебя домой не пушу в них!

— Твой размер, бичо, — подмигивает Абрам. — В Америке в таких ходят хиппи, так что бери, пока не увели.

Я беру в руки джинсы, прикидываю:

— Точно мой размер! Сколько?

— Сто рублей, — говорит Абрам.

Я кладу брюки на лавку:

— Они же старые!

— Сколько дашь?

Я хочу сказать «полтинник», но мама исчезла, а искать её в толпе было бесполезно, поэтому я предлагаю двадцатку.

— Ты чего, бичо, это настоящие американские джинсы! — обижается Абрам. — Меньше чем за пятьдесят не отдам, так что думай.

Меня трясёт от возбуждения. Можно, конечно, попросить Абрама отложить джинсы на полчаса, я бы сбежал домой и спёр недостающую тридцатку. Но к нему подваливает тип в кепке-аэродроме и, показав на штаны, спрашивает сколько.

— Тебе за сто, — говорит доверчиво Абрам. — Слушай, бичо, в Америке хиппи такие носят, но пока сюда эта мода не пришла и вряд ли придёт. Ты для кого хочешь?

— Для дочки.

— В каком классе она учится?

— В восьмом.

— Для дочки за полцены отдам. Бичо, откуда ты такой продвинутый?

— Из Цона. Сбавь ещё.

— Куда ещё? Это же настоящие американские джинсы! Твоя дочка благодарить тебя будет, сам увидишь.

Они торгуются, и Абрам продаёт джинсы типу в кепке за двадцать пять рублей, добавив от себя жевательную резинку...

Через неделю после торгов в еврейском квартале я встретился с Бесой у кинотеатра «Чермен». Он был в стёртых драных джинсах, стрелял мелочью у знакомых на билеты в кино, поминутно поглядывая на наручные часы. Ко мне он тоже подвалил и попросил выручить. Я попенял ему на то, что он испортил свои гэдэровские штаны.

— Ты дурак и деревенщина, — сказал Беса раздражённо, — в Америке на всех хиппи такие джинсы, но пока сюда эта мода не пришла и вряд ли придёт.

Я дал другу рубль, тот подобрел и разговорился: оказывается, он ждал свою девчонку Кристину. Отец у неё дипломат, в Штатах бывает, привёз ей оттуда настоящие хипповские джинсы, а вот и она. Я взглянул на девушку, к которой побежал Беса: на ней были те самые джинсы от Абрама. Беса взял за руку свою леди, и они оба в драных штанах направились в кинотеатр...

О Т Ц Ы

Все здесь так — и все иначе.

Фернандо Пессоа

Проснулся я ночью и не сразу определил, где нахожусь. Уж не в плену ли? О нет, придется резать сонную артерию. Только чем? Надо подумать, хотя в голове такая муть. Впрочем, стоит поднапрячься... Ну разве что сломаю наручные часы и чирк стёклышком по шее. Облом врагам — не будут мучить! Трудно, конечно, поднять на себя руку, ну да это того стоит.

А что, если я во Владикавказе у Софочки? Трезвый я редко к ней прихожу. Бедняжка хочет залететь от меня, второй год стараемся, но пока результатов никаких. А бывший Софочкин — бешеный, крыша у чувака едет конкретно, возит в багажнике своего «мерса» автомат. Иногда он является к Софочке посреди ночи, хотя давно женат на другой, и давай выламывать дверь. Кричит, что соскучился по деткам, а сам, гад, просто хочет трахнуть Софочку. И та не может отказать ему, кормильцу, от меня то проку как от козла молока, потому что я бродяга, солдат удачи, поэт.

Говорит моя подруга:

— Ты писатель-голодранец.

— Что же делать? — отвечаю. —

Но зато я не слуга.

*Не лижу зад сильному,
на войне — трусливому.*

*Стихом вольным, прозой черной
я пишу о том, что видел...*

*Сам я тоже на войне
не остался в стороне,
и сегодня спит с тобою
нищий рыцарь-трубадур.*

Софочка находит мои вирши гениальными. Когда её бывший долбит в дверь, она быстро затаскивает меня, упившегося до бесчувствия, в другую комнату и запирает на ключ.

Ладно, чуток ещё полежу до полного проявления мыслей и обстоятельств.

Прежде, конечно, я вскакивал с дивана или на чём там дрых, рычал и бил кулаками страшную маску тьмы или вступал в бой со стеной, которая внезапно вырастала передо мной, и утром просыпался дома или где застанет ночь с разбитыми костяшками на руках и шишками на лбу. Но со временем я стал спокойней, да и ночка сдружилась со мной и вместо жутких рож лепит из тьмы аппетитных телок. А девки зовут, манят, но пока не пойму, где валяюсь, с места не сдвинусь. Кстати, на соседней койке кто-то храпит — надеюсь, это не бывший Софочки.

Электронные часы на запястье показывают половину третьего.

Выпивши, я всегда просыпаюсь в одно и то же время и до самого утра страдаю от похмелья. К обеду обычно прихожу в себя, а вечером, свеженький, сижу с друзьями за пиршественным столом, хотя мне больше нравится бухать на берегу Лиахвы. А сейчас я, как объевшийся удав, сползаю с кровати на пол, открываю мерзко пахнущую пасть и блюю на паркет. В голове проясняется: я на войне в Абхазии! Неделю назад мы с Худым Бакке прибыли сюда, записались в штабе конфедератов добровольцами, и нас поселили в этом пансионате. Понятно теперь, кто выводит рулады на соседней койке — Худой Бакке, верный мой товарищ, надо бы перевернуть его на другой бок, но он тяжёлый, хоть и тощий.

По утрам мне всегда бывает стыдно за пьяные выходы накануне, если ещё помню о них. Вчера познакомился с бойцами из армянского батальона — замечательные ребята, их здесь, в Новом Афоне, все уважают. Они угостили меня чаечей. От алкоголя и общества крутых вояк я разгорячился и стал хвастать, как на родине, в Осетии, уложил из пулемёта кучу вражеских солдат. Армяне засмеялись, видно, не поверили, и это меня задело, ведь я не врал: грузины хотели сфотографироваться на самом виду, у большого металлического щита на высоте, которую они захватили. Я и скосил их одной длинной очередью из пулемёта. Любой на моём месте поступил бы так же, мне просто повезло, вот и всё.

* * *

Когда я завалил этих бедолаг, чуть не кончил от радости, прибежал к нашим и растрезвонил, будто убил восьмерых солдат, а на самом деле у щита осталось четыре трупа, пятому с фотоаппаратом удалось уйти. Однако восторга на лицах товарищей я не увидел, напротив, вдруг наступило гробовое молчание, как будто я не врагов уничтожил, а родных и близких однополчан. Я даже сцепился со своим одноклассником, который после жуткой паузы объявил меня лжецом. «Ты ответишь за свои слова, — сказал я ему. — Возьми бинокль и иди за мной, сейчас я, мать твою, покажу тебе трупы!» Но он вместо бинокля схватил меня за грудки, забыв, что на моём плече висел пулемёт, ствол которого упёрся ему в живот. Кусок, мой напарник, смекнув, что сейчас прольётся кровь, оттащил меня от этого подонка. После, конечно, я помирился со своим одноклассником, и он рассказал мне одну историю:

— Шёл я как-то на пост и у дома Пезо услышал грузинскую речь. Я офигел от неожиданности, остановился, смотрю: а дверь-то в хату приоткрыта. Подкрался ближе и в щель увидел шесть грузинских солдат. Они сидели в комнате вокруг стола, вооружённые до зубов, перед ними стояла большая рация, и они, похоже, кого-то ждали.

— И что ты сделал? — спросил я одноклассника.

— А что я мог сделать? Дёрнул оттуда!

— У тебя было оружие?

— Автомат и две гранаты.

— И ты, мать его, не убил их? Бог дал тебе шанс совершить подвиг без всякого для себя риска, а ты не подумал воспользоваться им, просто взял и удрал. Гранату хотя бы закинул! Нет, лучше сначала из автомата перестрелял бы гадов, с такого расстояния не промазал бы, а потом уже лимонками воспользовался бы. Просто покатыл бы гранату по полу, как шар в боулинге...

* * *

Бойцы из армянского батальона решили меня проверить и спросили, поеду ли я с ними на линию фронта прямо сейчас. У них там что-то случилось с пулёмтиком: то ли он погиб, то ли заболел. Да всегда пожалуйста, мы сели в УАЗ без

верха и покатали к позициям. И по дороге я пил коньяк из фляжки, потихоньку набираясь отваги. В окопе все сначала офигели, потому что, как только я увидел пулемёт, сразу же кинулся к нему, схватил и, выбравшись с ним наверх, стал палить. Армяне здорово разозлились, а когда закончились патроны, отняли у меня оружие и, наверное, побили бы, может, даже пустили бы в расход... Но я, предвидя это, вытащил из кармана гранату и стал крутить её на пальце с таким видом, что мне налили ещё чачи и повезли обратно на базу, в пансионат.

...Мне полегчало настолько, что я подгрёб к кровати Худого Бакке, перевернул его на другой бок, стянул с него дорогую кожаную куртку и надел на себя. Не хотелось, чтобы кожан с друга снял чужой, я-то верну — только прогуляюсь по берегу моря, подышу йодом, а то кадык сильно выпирает, будто птицу с большим клювом проглотил и она застряла в глотке. И знакомые при встрече сначала смотрят на мою шею, потом спрашивают, не зоб ли у меня, почему так похудел? Неприятно слышать такие вопросы, болезненно очень на них реагирую, приходится, мать его, улыбаться и отвечать, что всё у меня ништяк. Вот вернусь домой — обязательно запишусь к эндокринологу.

Я выбрался из пансионата, перешёл дорогу и побрёл по пляжу. Под ногами хрустела галька, а у берега с пеной лопались волны. Миллионы лет без сна и передышки море своими щупальцами гладит сушу: нежно, любовно, или, рассвирепев, берёт штурмом то, что, считает, принадлежит ему по праву. Непонятно, откуда моря-океаны берут столько энергии?

Я решил сделать небольшую пробежку, но выдохся через сто метров. Остановившись, сунул руки в карманы куртки, нащупал в правом пачку сигарет, хотел закурить и, конечно, не нашёл спичек. Оглянувшись по сторонам, я заметил костер и пошёл на огонёк. На полдороге, однако, сбавил скорость, уставившись на безмолвно стоящих вокруг костра седобородых старцев. Уж не нарты¹ ли они, подумал я, как некстати началась белая горячка. От пламени веяло теплом, значит, можно прикурить, а со стариками я попозже разберусь. Я подошёл к костру, поздоро-

¹ Нарты — герои древних эпических сказаний многих кавказских народов.

вался с нартами и, вытащив из огня горящую ветку, поднёс к сигарете, задымил.

— Откуда родом, сынок? — спросил старец с бородой до пояса, на его плече висел автомат.

— Из Цхинвала, — я бросил веточку обратно в огонь. — Знаете, я сначала принял вас за призраков, вы уж простите.

— Бывает, — улыбнулся старец с винтовкой.

— Осетины — храбрые воины, — сказал третий старец с пулемётом времён войны.

— А ты здоров, с тобой всё в порядке? — спросил меня первый, с автоматом, видимо, старший в этом отряде.

— Да, а что?

— Кадык у тебя большой, ты бы проверился у эндокринолога.

Я погладил клюв под подбородком, как будто успокаивал готовую вылететь из рта птицу:

— Только что я пробежал пять километров по пляжу, а мог бы все десять.

— Молодец какой, ну, значит, у тебя конституция такая, — обрадовался четвёртый старец, с гранатомётом.

— Можно я задам вам один вопрос? — я глубоко затянулся и выпустил дым из правой ноздри, из левой не выходит ни колечка: у меня проблема с перегородкой, сломали в драке, а может, на ковре во время схватки, — дело давнее, не помню.

— Конечно, сынок, спрашивай, — седобородые одобрительно закивали головами: дескать, валяй.

— А где ваши сыновья? Почему вы, дедули, стоите здесь ночью с оружием? Куда подевалась ваша молодёжь?

Старички зашумели, каждый хотел сказать что-то своё, но старший с автоматом поднял палец вверх — все умолкли, и он изрёк:

— Мой сын сейчас отдыхает в Сочи.

— Как? Он что, струсил, сбежал? — кадык мой задергался под подбородком, не удержать мне птичку. — Ничего не понимаю!

— Нет, я сам так захотел, — старец поводил перед горбатым носом пальцем, будто на ветровом стекле заработал дворник. — Я своё уже пожил, немало повидал, а сын, пока молодой, пусть гуляет и наслаждается жизнью, но, когда меня убьют, он вернётся, возьмёт мой автомат и продолжит борьбу за нашу свободу!

Я поразился его словам — мне нечего было сказать и, бросив в костёр окурки сигареты, попрощался со старыми воинами...

ПАРОЛЬ

Двое суток мы добирались до села Дменис, и всё время лил дождь вперемешку со снегом и градом. Но отряд наш, нагруженный боеприпасами, следовал цепью за проводником в бурой плащ-палатке. Он был ровесник моей бабушки, но пёр словно мустанг. Сам я брёл в хвосте и от души желал проводнику сорваться в пропасть. Ведь сдохни он, мы, не зная дороги в горах, вернулись бы обратно, домой, в Цхинвал. Впрочем, ехавший за нами на красном гусеничном тракторе Парпат нашёл бы нового следопыта, более молодого и резвого. И тогда бы я точно отстал и потерялся бы в облаках, как ежик в мультяшке. Но колючая тварь заблудилась в поле, а тут шаг в сторону — и ты летишь с обрыва без парашюта.

Я-то думал, мы на машине доедем до места, и как дурак влез в чёртов трёхосный КамАЗ. И всю дорогу ощущал себя крутым парнем с большими яйцами. Я очень надеялся, что обратно мы вернёмся на этом же вездеходе и дома нас будут встречать как героев-освободителей. Тряска меня убаюкала, и в полусне я представлял себя идущим по весенней улице, нагруженным трофейными автоматами. Нет, пусть лучше со мной будет заложник, который будет нести оружие, хотя на кой чёрт он мне сдался? Потом корми его, пои, и мать будет мозг выносить, да пошёл он на хрен. Так-то лучше. Ну вот шагаю я, значит, по улице один, без вонючего пленника, а соседи все прячутся, потому что никто не выдерживает моего сурового, жесткого взгляда воина, зато спину приятно щекошет шёпот: «Смотрите-ка, Таме вернулся из Дмениса, он там убил кучу врагов и спас от смерти самого Парпата!» А я даже не оборачиваюсь и прудальше, купаясь в лучах славы. И тут, чёрт подери, я останавливаюсь перед большим кирпичным домом Беллы, и она вылетает из ворот, моя прекрасная леди, и вешается мне на шею. Мы целуемся и идём к её отцу, отставному генералу Таракану. Раньше он ни за что бы не отдал за меня свою единственную дочь и наследницу. Но теперь совсем другое дело, и Таракан, вздохнув, нет, уж лучше пусть улыбается и благословляет нас, дарит нам квартиру во Владикавказе, набитую классной мебелью, и новенький «Мерседес-Бенц»...

КамАЗ остановился, и водитель, открыв с грохотом задний борт кузова, произнёс:

— Дальше придётся идти пешком.

— Почему? — спросил кто-то потерянным голосом. — Это же трёхосный КамАЗ, на таких, говорят, на Эверест поднимались.

— Про Эверест ничего не знаю, но на таком склоне машина сломается через сто метров.

Парпат выслушал шофера, но, вместо того чтобы надрать ему задницу, построил нас и сказал:

— Не получилось на машине, ну да ничего, пойдём в Дменис пешком. Вы все знаете, как там туго приходится нашим братьям. Они сражаются отважно, но у них кончаются боеприпасы, а враг сжимает кольцо окружения. В селе много женщин, стариков и детей, и надо вывести их оттуда. Короче, это очень благородное дело! А теперь каждый берёт по ящику патронов — и в путь за нашим уважаемым проводником!

Не знаю, чем я досадил Парпату: он повесил на моё больное плечо тяжёлую переносную радиостанцию с длинной, достающей до набитого тучами неба антенной. Может, он разозлился на меня из-за неуместной реплики про Эверест?

Но, как говорится, мир не без добрых людей, и Коста Шыхуырбаты, заметив, как меня выворачивает на подъёме, вызвался нести мою радиостанцию. А Кола Афганец вырвал из моих рук ящик с патронами, отбросил в сторону и сказал:

— Подберём его на обратном пути.

— А если Парпат спросит, где патроны? — возразил я, вытирая с губ остатки блевотины.

— А тебе не насрать? Мы тут под дождём мокнем, а он на тракторе едет. Ну как, можешь идти?

— Попробую. Спасибо тебе, Кола!

— Поблагодаришь, когда вернёмся домой.

К вечеру ноги перестали слушаться, и я сел в грязь в надежде, что скоро появится Парпат на тракторе и подберёт меня. Но рев трактора стал уходить куда-то в сторону, пока совсем не стих. Наверное, поехали другой дорогой. Дикий животный страх овладел мною: отряд уже не догнать, а это значит, мучительная смерть, потому что по этой дороге никто не ходит, да ещё ранней весной. Впрочем, я мог подстрелить какую-нибудь дичь из своего Туг-Хъала-

са (кровавая глотка), так я любовно назвал свой карабин. А что потом? Я стал кричать, потом заплакал, собираясь покончить с собой, как вдруг услышал шаги, и вскоре передо мной появился Эрик Кабулов. Он сказал, что всё хорошо, тут недалеко осетинское село и мы всем отрядом заночуем там. Я пытался встать, но плюхался обратно, в тёплую лужу под собой. Тогда Эрик просунул свою светлую курчавую голову под мою мокрую вонючую подмышку, поднял и потащил на себе.

Утром следующего дня жители села позвали нас в хажар (дом, где устраиваются празднества, поминки в непогожий день). Там уже был накрыт стол, и голодные парни набросились на пироги и горячее варёное мясо. Сам я едва притронулся к еде, так плохо себя чувствовал, и под столом массировал ноги, пока какой-то остряк не догадался спросить, не мастурбирую ли я.

После завтрака Парпат построил нас возле хажара и попросил какого-то мальчишку принести тетрадь и ручку, тот мигом исполнил его просьбу. Командир прошёлся взглядом по отряду, остановился на мне и сказал:

— Таме, возьми-ка тетрадь и ручку и запиши имена и фамилии всех, кто в отряде.

Я все ещё массировал ноги, слегка даже пританцовывал, и так как приказ командира сбил меня с ритма, недовольно промямлил:

— А почему я? У меня ужасный почерк, сам черт его не разберёт...

— Ты даже не спорь, потому что будешь писать, хочешь ты того или нет.

Я взял тетрадь и ручку, подошёл к бородатому Парчи, остановился напротив него и попросил дать автограф.

— Санакоев Алан Черменович, — сказал Парчи своим густым голосом.

После него я записал Саксафа, Заура Гучмазты, Колу Дзигойты, Эрика Кабулова, Пучу, Тото Дыгузты, Аца Кабысты, Косту Шыхуырбаты, Славика Кабысты, Борика Плиты, Мориса Санакоева, Красавчика, Вячеслава Чугуйты, Мельса Кошты... Последним внёс в список самого Парпата, он был двадцать девятым по счёту: Джигоев Алан Сократович.

В обед мы выступили из гостеприимного осетинского села и глубокой ночью, сопровождаемые дождём, достигли села Сарабук.

Дома здесь больше напоминали склепы, и жизни в них было не больше чем на кладбище, куда мы вошли и остановились. Ниже под нами пролежала Ередская трасса², за ней — Малая Лиакхва, а на другом берегу реки виднелись редкие огни большого села Дменис. Парпат спросил проводника, как далеко отсюда мост.

— Он как раз напротив, — сказал проводник.
— Но надо быть поосторожней, ведь Еред рядом. Может, суки уже прознали про то, что мы идём на помощь, и ждут нас в засаде.

Мокрый, как утопленник, я сел у могильной плиты и решил заглушить свои страдания колёсами. Закинув в рот пять таблеток реланиума, я сложил ладони лодочкой, дождался, пока она не наполнится небесной субстанцией, и запил лекарство.

— Тогда разделимся на две части, — произнёс Парпат, подумав. — Мы первыми пройдем мост, остальные будут прикрывать нас отсюда, с кладбища. Если всё будет хорошо, я сообщу по радиации, и вы сразу же сделаете марш-бросок через мост.

— Рация прослушивается, — возразил Заур Гучмазты.

— Верно, но мы их обманем, — Парпат перешёл на шёпот. — Если я скажу вам «идите», значит, вы сидите здесь тихо, как покойники, но если скажу «стойте», бегите к мосту так, будто за вами черти гонятся. Все меня поняли? Таме, у тебя с радиацией всё в порядке?

— Вроде да.

— Что это с тобой, заснул?

— Да нет, просто слюна во рту вязкая.

— Заур, последи за ним, по-моему, он наглотался колёс.

— Устал он, я вот тоже валяюсь с ног, мы же не на тракторе ехали.

Парпат как будто не заметил подкола, отобрал людей, но, прежде чем свалить, предупредил:

— Мы пойдем тихо, и что бы ни случилось, без моего особого приказа никто не стреляет, даже нечаянно. Пусть потом никто не говорит, что я вас не предупредил!

После этих слов он с половиной отряда тихонько стал спускаться вниз, к трассе. Тяжёлым немигающим взглядом я смотрел вслед уходящим до тех пор, пока они не исчезли в пасти мрака. Оставшиеся рассыпались по клад-

бищу и спрятались за могильными плитами. И время поползло по чёрному мрамору тишины медленно и мокро, точно улитка. Я уже стал засыпать, но проснулся от рёва мотора. Со стороны Ереда примчалась легковушка, она развернулась прямо под нами и, осветив погост фарами, остановилась. Теперь я видел, что это была красная «шестёрка» с торчащими из окон стволами пулемётов. Из машины кричали:

— Осебо ткуени бози дед шевеци! Ткуени чиши мофтхъан! (Осетины, мать вашу, кровь вашу!)

Они ещё ругались минут пять, потом, видно, у ребят иссяк словарный запас, и тогда заговорили пулемёты, и по плите, за которой я прятался, застучали пули. У меня руки чесались — так хотелось пальнуть по машине из Кровавой Глотки, но, вспомнив приказ Парпата, я заскулил от бессилия.

Наши не отвечали — полагаю, тоже боялись ослушаться командира, ведь уничтожить стреляющих по нам ублюдков ничего не стоило. Никого абсолютно риска — палить в светящуюся огнями машину из винтовок, автоматов, пулеметов и гранатомётов. Да мы бы разнесли эту «шестёрку» к чертям собачьим, мокрого места от неё не оставили бы. Я устроился поудобнее за памятником и стал размышлять: грузины в точности знали, где мы находимся, и открыто, ничего не боясь, палили по нам. Значит, нас кто-то предал, и этот кто-то был в отряде, раз сообщил врагам и про строжайший приказ Парпата не стрелять. Иначе грузины так легкомысленно не подставлялись бы. Но кто эта крыса и как его вычислить?

Когда умолкли пулемёты, «шестёрка» взревела, забуксовав, сорвалась с места и, визжа колёсами, помчалась, но потом резко затормозила и коснулась носом асфальта. Из машины выскочил какой-то х... и швырнул в нашу сторону гранату, и в этот миг мне захотелось очутиться в гробу лежащего подо мной покойника. После взрыва «шестёрка» умчалась обратно в Еред, а ребята стали кликать друг друга, спрашивать, не ранен ли кто. Выяснилось, что все живы-здоровы, и тогда по кладбищу прошёлся ропот возмущения. Особенно неистовствовал парень в толстенной каске, именуемой бывальными сферой. Дурным голосом он кричал, что

² Еред — грузинское село, жители которого отличались особой жестокостью по отношению к пленным осетинам и заложникам.

Парпату — хана, поминал его мать нехорошими словами и грозился при встрече перегрызть горло командиру. И все, кто был на кладбище, кроме покойников, поддержали парня в сфере, а тому, видно, только этого и надо было. Он подбежал к памятнику, за которым я прятался, схватил рацию и стал вызывать командира:

— Где Парпат, дайте мне его! Приём!

В ответ шипели помехи, и парень в ярости готов был проглотить всю радиостанцию вместе с причиндалами. Наконец шипение прервалось спокойным голосом Парпата:

— Кто ты и что тебе нужно?

Парень в сфере, услышав глас командира, осёкся, даже стал заикаться, но, когда обрёл дар речи, я поразился его голосу — до того он изменился. Мне даже показалось, что под толстой каской прячется гейша, готовая исполнить любое желание своего господина:

— Алан Сократович, я просто хотел узнать, как вы добрались. Хи-хи...

— Всё о'кей.

— А мы вот сидим на кладбище тише покойничков, уже и к дождю привыкли, можно сказать, породнились с ним. В нас стреляли грузины, хи-хи. Но мы и не подумали ответить, потому что помним и уважаем твои указания и не хотим тебя сердить...

— Вы, это самое, стойте. Передай всем: стойте и ждать.

— Ага, понял! Спасибо, Алан, будем стоять тут, пока не оживут покойнички... Хи-хи...

Ребята, собравшиеся возле моей могильной плиты, внимательно слушали диалог. Парень в сфере, кончив говорить, зарыдал и убежал в темноту, а остальные зашумели, будто хотели разбудить покойников. Все были возмущены словами командира, который велел ждать — только чего? Ещё одной машины с ублюдками, которые чуть не перестреляли всех тут? И пошли разговоры: кто дал сукам наши координаты, если не сам Парпат? Точно он, потому что рация только у него и Таме. А так как Таме здесь, с нами, и не может говорить, нажрался колёс, значит, крыса и есть сам Парпат! А один очень большой и здоровый стал орать: мол, ему теперь всё ясно и, как только он поймает Парпата, сжуёт засранца вместе с его белыми кожаными кроссовками.

— Он там шашлыки кушает, — продолжал этот орангутан, — а мы тут пухнем от голода.

Я бормотал, что слова Парпата «стойте» надо понимать как «идти».

— Он же ясно сказал, что с вашей памятью? — говорил я.

Но меня никто не слушал, и так как слюна во рту стала ещё более вязкой, я смолк и, высунув язык, подставил его под капли дождя.

— Ты думаешь, Парпат помнит о том, что сказал? — усмехнулся Заур. — Да он забыл про уговор, как только перешёл мост.

Человек-орангутан схватил рацию и стал вызывать командира, но, как только услышал его голос, упал на колени перед радиостанцией, как будто говорил с самим Господом Богом:

— Алан Сократович, знал бы ты, как я уважаю тебя! Ты не волнуйся за нас, хотя сверху льёт дождь, а снизу мы подверглись яростному нападению вражеских солдат, но мы превратились в мертвецов, как ты велел, и это дурачье уехало ни с чем. Хи-хи...

— Я же сказал вам идти.

— То есть как это — идти не идти?

— Ты, мать твою, издеваешься, что ли, надо мной?

Человек-орангутан упал лицом вниз, и все, подумав, что он в обмороке, стали пинать его, чтобы привести в чувство. Он снова поднёс к губам рацию и слабым голосом произнёс:

— Алан Сократович, мы не знаем, что делать, запутались совсем.

— Вашу тупую мать! Рашыт! Идите! Модит! Гооу!³

«ПРОГУЛКИ» ПО ДУШАНБЕ

Летом я решительно не хотел оставаться в Душанбе. До начала учебного года оставалось целых два месяца, так не лучше ли провести каникулы на родине с друзьями детства, а не париться в этой жаре? И вообще, надоело драться с местными. Не знаю, почему они всё время кидаются на меня, чем я отличаюсь от остальных? То ли волосы мои кудрявые раздражают этих подонков, то ли клёвая одежда, в которой щеголяю на улице? Теперь, когда отец нашёл офигенную

³ «Рашыт!» (осет.), «Модит!» (груз.), «Гооу!» (англ.) — «Идите!»

работу — плетёт в кооперативном цехе проволочную сетку для оград — и привозит домой баблосы пачками, я клянчу у него деньги на шмотки. Правда, раскошеливается он без особого энтузиазма, бывает, и зажимает, но это, конечно, зря.

— Знаешь что, зарабатывай-ка сам, — говорит он, растянувшись в трусах до колен на диване перед телевизором. — Ты уже не маленький, тебе уже восемнадцать...

— Ты серьёзно не хочешь дать мне денег? — спрашиваю я с дрожью в голосе. — Я ведь не на шмотки прошу, а на поездку домой, на родину...

— Включи-ка лучше телевизор, утром потолкуем.

Зачем тянуть до утра, думаю я, и вдруг изо всех сил бью кулаком по кривой толстой стене из глины. Кожа на костяшках рвется к чертям, она, кстати, не заживает у меня второй год, и я ору в иступлении:

— Зачем ты привез меня сюда?! Кто тебя просил об этом, мать твою?!

Сейчас я могу материться при родителях, курить, бухать — одним словом, вести себя как взрослый. Притащил бы домой свою девушку, но эта дрянь не хочет за меня замуж. Она таджичка и может выйти только за мусульманина. Ну ничего, придёт и мне повестка из военкомата. О, тогда я запишусь добровольцем в Афганистан и буду биться, как тигр, и в конце концов какой-нибудь грязный обкуренный дух всадит в меня пулю. И всё командование соберётся у моего остывающего на горячем песке тела, а вокруг в чалмах и халатах валяются духи, которых я порешил из своего автомата. И самый главный, ну там генерал какой-нибудь, снимет с себя звезду Героя и собственноручно привинтит к моей пробитой пулей груди. Потом меня поднимут на носилках, как Гамлета, датского принца, и понесут к вертушке. Ну а деньги на поездку предки пусть потратят на мои поминки.

Отец поднимается с дивана, я спиной чувствую, что он напуган, как будто в первый раз видит меня таким. Мама говорит, что он сделал меня пьяным, потому, мол, я такой психованный. Наивная женщина, со мной всё в порядке, просто ужасно хочу поехать на родину, а для этого нужны деньги. Вот и приходится изображать из себя психа, чтоб получить от предков триста рублей.

Отец не знает, как меня успокоить, и начинает мямлить, что хотел как лучше, то да сё, мол, на родине плохо с продуктами, а здесь, в Душанбе, всего навалом, — и это правда...

В Цхинвали мы пухли от голода, ничего нельзя было купить, даже если у тебя водились деньги. Консервы и те исчезли с прилавков. За молоком и мацони я шёл засветло и торчал в очереди часами. Бывало, мне не доставалось, и я возвращался домой злой с пустыми бутылками. Однажды сосед наш, хромой Чиро, заколол козу и стал жарить шашлык. От запаха мяса у меня поехала крыша, я выл и метался по комнате, закапав пол слюной и слезами. Мать следила за мной со страхом, прижимая к груди младшего брата, должно быть, боялась, что я зарежу его и съем, хотя ни о чём таком я не помышлял. Но, видно, во взгляде обезумевшего от голода подростка сверкали и людоедские искры. В общем, кончилось тем, что бедная моя матушка с братишкой пошла к хрому Чиро просить продать нам немного мяса. Тот, конечно, вошел в положение, денег, спасибо, не взял и передал ей через ограду шмат козлятины. Мама вернулась домой ликуя и хотела наварить мясного бульона, чтобы хватило надолго, но я на неё так взглянул, что она сразу же зажарила подачку на сковороде, которую я потом вычистил хлебом, как наждачной бумагой, и она заблестела как новая.

— Ты понимаешь, что здесь, в Душанбе, для меня всё чужое, враждебное, просто другая планета! — продолжаю орать я на отца. — Вам с мамой легко, вы пожилые, вас пальцем никто не тронет, а меня каждый норовит унижить, обидеть, побить или снять кроссовки!

После такого представления папаша, по идее, должен открыть тайничок с деньгами, но меня уже не остановить, с кулака течёт кровь. И если мать не на дежурстве в больнице Кара-Боло, где, по её словам, раненные солдаты из Афганистана откидываются пачками, она, как опытная медсестра, попытается сделать мне перевязку. Обычно я не даюсь и продолжаю долбить стену, а сейчас мне пришла мысль вскрыть себе вены кнопочным ножом, стыренным у зятя, но маму позвали к умирающему соседу, она колет ему промедол, и, пока вернется, я истеку кровью.

Жесть, сколько всего со мной произошло тут,

в Душанбе, столько довелось испытать! Во-первых, мне пришлось бросить заниматься дзюдо. А ведь я отличный борец. На родине в личных и командных первенствах я всегда занимал первые места, и мне прочили великое будущее. Впрочем, не знаю, хотя при моем усердии — забросил школу и тренировался дважды в день — я стал бы минимум чемпионом Европы. Но родителям было плевать на мою спортивную карьеру, они взяли и привезли меня сюда, как будто я животное какое. Я немного повыл, сбросил в весе, потом смирился и стал искать секцию дзюдо.

Сосед Хабиб подсказал, куда идти, и даже написал адрес на клочке обоев. Кстати, жена его, Елена, приставала ко мне, ввалилась к нам бухая, сказала, что поссорилась с мужем, и поцеловала меня, укусив при этом губу. Больно было и в то же время приятно, я сжал её упругий зад своими цепкими пальцами дзюдоиста. На ней были пёстрые атласные шаровары, в каких обычно щеголяют чернобровые таджички, и мне захотелось стянуть их с Елены и завалить её на топчан под навесом, благо никого не было дома. Но тут явилась сестра Хабиба, Фатма, точь-в-точь в таких же соблазнительных штанах, только она была чёрная, а Елена — яркая блондинка. Фатма схватила невестку за руку и потащила куколку к калитке, и та, уходя, шепнула: «Приходи в общий туалет улицы, буду тебя там ждать».

Я закрыл за ними дверь, забрался на сколоченный отцом топчан под навесом и стал размышлять. Подрочив, я решил не ходить в общественный сортир — грязно, дерьма внутри по самые брови, ещё провалишься к чертям в позорную яму, да и неохота уже. Я взглянул на свою липкую ладонь убедиться, что на ней нет растительности. На родине в зал, где я занимался дзюдо, приходил чемпион, на которого все смотрели как на бога, и однажды после тренировки он собрал нас, мелкоту нетитулованную, и сказал: «Знаете, как узнать онаниста?» Среди нас, спортсменов, считалось, что мастурбировать плохо, лучше уж трахнуться с трипперной телкой. Нет, говорим, и наперебой стараемся выказать своё презрение ушлёпкам, трапящим своё семя так позорно и попусту.

— Эй, потише, — говорит чемпион. Мы смолкаем и благоговейно смотрим ему в рот. — Вы, как я погляжу, серьёзно хотите чего-то достичь,

и это хорошо, но я вам вот что скажу: у того, кто дрожит, на ладонях вырастают волосы.

И каждый из нас украдкой взглянул на свои руки. Он заметил это, от его орлиного взгляда ничего не скроешь, и засмеялся:

— Ну что, попались, онанисты?

Уличённые в позорнейшем деянии, мы опустили головы, но один из наших не растерялся и спросил чемпиона:

— Ну а у тебя почему волосы на ладонях? Я давно хотел спросить.

Чемпион испуганно посмотрел на свои руки, и зал с высоченным потолком наполнился смехом. Но он не разозлился, с чувством юмора у него всё в порядке, он вообще красавчик, кидаёт соперников на иппон, реже на ваза-ари.

Бред собачий — я про волосы на руке. Но после мастурбации внимательно осматриваю правую и решаю, что лучше тратить энергию на тренировках и соревнованиях. А когда выиграю чемпионат мира, вот тогда уже ни в чём себе отказывать не буду. Впрочем, до этого далеко, и тонны пота надо пролить, чтоб достичь своей цели. И эта мысль подняла меня с топчана и погнала в город.

Записка, которую черкнул Хабиб на клочке обоев, привела меня к небольшому уютному залу, где вместо ковра был настоящий татами. Я дико обрадовался, потому что на родине схватки проводились на обычном борцовском ковре, потёртом и залатанном, а он не очень-то соответствует занятиям дзюдо. У нас ведь всё очень тонко, чуть ли не шахматная игра, чёрт подери. Каждый шаг твой должен быть продуман, выходишь на поединок и стараешься внушить противнику, что ты тряпка, размазня, чуть ли не спишь на ходу, хотя внутри весь собран, напружинен, приёмы отточены до автоматизма, обманные движения тоже. И вот судья говорит «хаджиме», и если борются технари, то любо-дорого смотреть на схватку. Хуже, когда рубятся быки — так мы, профессионалы, зовём физически сильных и неповоротливых ребят, — подохнуть можно от тоски, глядя на них, им бы на вольную борьбу податься или штангу.

Тренера в этом симпатичном с зеркалами на стенах зале все звали моалимом, я поговорил с ним, и он, узнав, откуда я, заулыбался.

— Осетины — прекрасные борцы, — сказал он и предложил мне сделать разминку вместе с командой.

— Но у меня нет с собой формы, — сказал я печально моалиму.

— А где она?

— Моё кимоно родители запихнули в контейнер вместе с остальными вещами — не знаю, когда прибудет.

— Ничего страшного, в раздевалке есть новое, переоденься, если есть желание.

— О да, спасибо, моалим, как вас по отчеству?

— Зови меня моалим, по-нашему это «учитель».

Я впервые кувыркался на татами, восхитительное ощущение — жёстко и пружинисто, разогрел мышцы, и после отработки моалим устроил схватки. Я боролся с каким-то Фахреддином, оказавшимся со мной в одной весовой категории. Мне уже успели шепнуть, что он очень сильный дзюдоист — порвал всех на чемпионате республики и через пару недель поедет в Москву на всесоюзный турнир. Моалим, судивший поединок, ребром ладони рассек воздух: хаджиме! Я вышел к центру татами с таким видом, будто меня только что разбудили и меньше всего хочу бороться. Я поклонился Фахреддину, он — мне, мы сошлись в схватке, и должен сказать, что более слабого противника я в жизни не видел. Как же он стал чемпионом республики? Или он не в форме? Может, здесь все такие слабые? Но парень был здоров, злился как чёрт и пытался кинуть меня через бедро с захватом за пояс, но как-то очень неумело. Я уже и поддавался ему, но он даже коку не смог у меня выиграть — мешок, одним словом.

После схватки Фахреддин забился в угол и плакал, зато моалим был в восторге от моего умения кидать на иппон. Он прискакал в раздевалку, где я снимал кимоно, и сказал, что я могу оставить форму себе.

— Спасибо, моалим, но у меня уже есть настоящее, венгерское, правда, получу его нескоро.

— Лишнее не помешает, Тамерлан, — улыбнулся он, — хорошее у тебя имя, царское. Ты завоеватель, и я вижу в тебе чемпиона.

Я снова поблагодарил моалима и скромно опустил голову, хотя в душе ликовал.

— Слушай меня внимательно, Тамерлан, если ты останешься в моей команде, я назначу тебе зарплату восемьдесят рублей в месяц. Мало? Ещё добавлю двадцатку, не перебивай, будешь ездить на все соревнования, которые в

стране и за рубежом. Кстати, через две недели в Москве состоится всесоюзный турнир, и вместо Фахреддина махнёшь туда ты.

Домой я прилетел на чемпионских крыльях и весь оставшийся вечер отжимался у топчана, на котором после валялся, мечтая о поездке в Москву. У меня на родине был соперник, который хоть и проигрывал мне в отборе на чемпионаты, но всё равно ездил на соревнования, потому что был любимчиком тренера. Но, говоря по чести, я просто ревновал его к мастеру, ведь внимание учителя дорогого стоит. И вот теперь мы встретимся в Москве с этим фаворитом, и я порву его к чертям, докажу тренеру, что я лучший, и после такого триумфа попрошу забрать меня обратно на родину. Уж я постараюсь произвести впечатление — зрители будут визжать от восторга.

Я продолжал тренироваться, Фахреддина использовал вместо манекена, и он летал по всему залу. Жалости к нему я уже не питал и вытирал им татами. Моалиму, наверное, тоже было приятно, что у него появился такой талантливый ученик, как я, и через пару дней он должен был выдать мне деньги на билет в Москву. Последняя тренировка перед вылетом в столицу была в пятницу, и я шёл быстрым шагом, чтобы не опоздать. На углу я заметил толпу парней в тубетейках, они о чём-то говорили, но, увидев меня, притихли. В груди застучало, пот выступил на лбу и начал стекать в глазные впадины, я оглянулся, соображая, в какую сторону бежать. Парни в тубетейках всё равно погнались бы за мной и, конечно, отстали бы, потому что я был в прекрасной физической форме, и это-то было обиднее всего. Я чувствовал, что моей блестящей спортивной карьере пришёл конец, впрочем, это лучше, чем оказаться под ногами этих ублюдков. Один на один они не дерутся, я убедился в этом на второй же день после нашего прибытия в Душанбе.

Отец повёл меня и братишку в парк прогуляться, купил нам мороженое, и мы, усевшись на лавочке в тени чинары, наслаждались эскимо. Вдруг послышались гиканье, свист, как будто шла охота на зверя, только вместо дичи я увидел бегущего в нашу сторону парня. За ним гналась толпа местных в тубетейках. На другой стороне дороги стояли милиционеры, жрали мороженое и делали вид, будто ничего не происходит, хотя парень ломанулся в их сторону.

Поняв, что от блюстителей порядка помощи не будет, он хотел юркнуть в кусты за нашей скамейкой, но оттуда выскочили ещё несколько ребят в тюбетейках и чапанах. Один из них поставил подножку беглецу, и тот растянулся перед нами, сразу вскочил, но тут подоспела основная толпа преследователей и смяла его.

Мне ещё никогда не доводилось видеть, как толпа расправляется с человеком. У нас тоже бывали потасовки (как же на Кавказе без этого?), но всегда по справедливости: один на один или два на два, смотря как договорятся соперники перед дракой. А тут сто на одного и бьют ногами по голове с такой яростью, как будто хотят отделить ему башку от туловища. Меня тошнило от ужаса, я взглянул на отца, он тоже был в шоке и сидел как пригвождённый. Я привлёк с себе братишку, обнял его, чтоб он не мог видеть эту жуткую картину.

Милиция вмешалась слишком поздно, им бы подуть в свои вонючие обслюнявленные свистки раньше, и тогда, может, обошлось бы. Они ведь всё видели, но задудели, когда дело было сделано. Толпа отхлынула от парня, а он хрипел и дёргался в агонии, голова у него раздулась и была какой-то неправильной формы. Отец встал и сказал, что пора идти. Я взял за руку младшего брата и на трясущихся ногах побрёл к выходу. Брат просил папу купить ему ещё мороженого, но тот его не слышал, он курил и о чём-то думал, наверное, жалел, что завёз свою семью в край, населённый злобными существами. Перед тем как покинуть парк, я оглянулся и увидел, что избитый парень стих и над ним стояли легавые.

Позднее я сам улепётывал от местных в тюбетейках, которые пытались снять с меня джинсы или кроссовки. А сейчас они отнимали мою великую мечту стать чемпионом, уж я бы получил в столице золотую медаль в честных ярких, запоминающихся схватках. Фахреддин тоже был в этой гнусной толпе местных, преградивших мне путь к славе. Он отделился от них, приблизился ко мне и произнёс:

— Больше не приходи на тренировки, в Москву поеду я, а ты валяйся в свою Осетию.

— Но почему? — прошелестел я, будто во рту у меня вместо языка гнил в горькой слюне осенний лист.

— Эй! — крикнул один из парней, размахивая

уродским таджикским ножом. Кстати, нож у них называется «корд», а по-осетински — «кард», вроде бы родственные языки, но сколько ненависти исходило от местных, сколько агрессии. — Ещё раз попадешься мне на глаза — и я кишки тебе выпущу, клянусь Аллахом!

— Заткнись, — обернулся к нему Фахреддин. — Короче, Тамерлан, ещё раз появишься в зале, — соперник мой оглянулся на толпу подонков, — тогда пеняй на себя...

Парни в тюбетейках всё грозились меня убить, если ещё раз появлюсь в их районе, потом ушли, а я стоял над своей растоптанной мечтой и плакал, как тогда Фахреддин в углу зала.

Школу свою я тоже ненавидел, и ходить на уроки было для меня сущей пыткой, потому что, как только переступал порог класса, у меня пропадал дар речи. Не знаю, в чем было дело, но мне будто рот кто скотчем залеплял. Я сидел один за партой как чумной и отказывался выходить к доске. Учителя махнули на меня рукой, и если кто-то из них бывал не в духе, то ставил двойку или выгонял к чертям. Тогда я вообще забивал на занятия, бежал на остановку, прыгал в троллейбус и ехал на железнодорожный вокзал смотреть, как прибывают и убывают поезда.

Завуч вызвала в школу маму и посоветовала ей отдать меня в интернат для умственно отсталых.

— Пожалуйста, не говорите так, — просила мать. — Он же рядом стоит и слышит.

— Да пусть слушает, он кретин, понимаете?

— Что вы сказали?

— В нашей образцовой школе таким идиотам, как ваш сын, нет места. Так что забирайте своего больного ребёнка!

— Как вам не стыдно так говорить! У вас детей нет или вы дура набитая?

Они начали кричать друг на друга в коридоре школы, а я стоял, улыбался, но внутри рыдал и хотел, чтоб меня оставили в покое, а ещё лучше — отправили на родину. Пусть родители остаются здесь, если им нравится, а я буду жить в Цхинвали у тетки — она одинокая старая дева и не откажется от меня. Или поеду к сестре, она недавно вышла замуж за богатого, им ничего не будет стоить содержать меня. И я снова пойду на дзюдо — продолжу свою спортивную карьеру.

— Да вы посмотрите на него! — кричала за-вуч, показывая на меня журналом. — Он даже разговаривать не может!

— Таме, — мама привлекла меня к себе, и мои кудри сделались мокрыми и солёными. — Скажи что-нибудь, не молчи только! Ты же всего «Евгения Онегина» наизусть знаешь. Ну прочти хоть ей с выражением: «Однажды русский генерал из гор к Тифлису проезжал...» Дальше сам, сынок, ну давай, не позорься!

— Пусть он прочтёт из книги хоть один куплет, — злорадствовала завуч. — И я выдам ему красный диплом об окончании школы.

— Ну, детка, я же рядом, никого не бойся, — мама нарочно перешла на осетинский, и завуч подозрительно прислушивалась к её речам. — Давай покажи этой толстой шлюхе, какой ты умный и начитанный!

— М-м-м, — пытался отлепить я скотч от губ, но не мог и только потел от усилия. — М-м-м...

Но больше всего я не любил, когда родители посылали меня встречать младшего брата из школы. Он учился во вторую смену, возвращался поздно, и предки боялись, что его обидят. Так со мной ему было в миллион раз опасней, потому что парни в тубетейках сразу же кидались на меня, чтобы раздеть-разуть. Как-то я выклянчил у отца сто рублей, мы с мамой сгоняли на толкучку и купили там модные кроссовки — «московский адидас». Я пошёл в них в школу, но на обратной дороге несколько местных малолеток пытались разуть меня. Я дал одному из мальцов пинка под зад, и тут из кустов выскочили парни в тубетейках, но я уже был опытный и знал, что делать. Первому, кто ко мне приблизился, я нанёс три сокрушительных удара в морду и сделал ноги. На родине я немного занимался боксом, и тренер сказал, что я обладаю нокаутирующим ударом, он обещал вывести меня в чемпионы, если буду серьёзно заниматься. А я не остался у него, потому что был помешан на дзюдо. Парни в тубетейках погнались за мной, но я легко ушёл от этих обкуренных ушлёпков. Одному легче удирать, но младший брат — серьёзная обуза в таких делах. Я пытался объяснить это родителям, но разве им втолкуешь? Они знать ничего не желали и чуть ли не силком выгоняли меня из дома встречать братишку.

Район, где мы жили, зовётся Горбаня, это частный сектор, он весь вылеплен из глины и больше напоминает кишлак. Улочки здесь узенькие, по бокам вырыты арыки, и надо быть очень осторожным, чтобы не наткнуться на парней в тубетейках. У меня чутьё уже было как у зверя, я чувствовал на расстоянии охотников на иноверцев и выжидал, когда они свалят, либо сворачивал на более пустынную улочку. Братишку я обычно ждал на троллейбусной остановке, и он прибегал туда румяный, с ранцем за спиной. Я брал его за руку и возвращался с ним домой, выбирая пути побезлюднее.

Как-то раз мы пошли по улице, где обычно собирались игравшие в нарды седобородые старцы. Я думал, что рядом со старшими молодёжь будет вести себя прилично и мы спокойно доберёмся до дома, да не тут-то было. На топчане в тени дерева сидели, поджав под себя ноги, несколько долгожителей и пили чай. Возле них околачивался бача⁴ примерно моих лет. Я поздоровался с мудрецами, они посмотрели на нас, и один из них поманил бачу и что-то сказал ему на ухо. Тот кивнул, с улыбкой подбежал к нам и, не говоря ни слова, дал мне в пятак. Боли я не почувствовал, такая во мне вспыхнула злоба. Я наклонился к братишке, причём получил ещё пинка под зад, и сказал ему:

— Ты не заблудишься, дорогу помнишь?

— Помню, — ответил братишка со страхом, — а ты?

— За меня не бойся, а ты беги домой, нигде не останавливайся, понял?

У него только пятки засверкали, а я повернулся к этому подонку и стал его бить. Он был хилый и сразу же вырубился. Старцы, увидев валявшегося в арыке бачу, стали орать и размахивать палками, появились женщины и завизжали как резаные, а я подошёл к топчану и перевернул его вместе с этими старыми уродами. И сразу дёрнул, по дороге сбив пожилую толстую таджичку с белым халатом на голове.

Я ввалился во дворик дома, где мы жили, и увидел отца с топором — похоже, он собрался мне на помощь. Я отдышался и попросил его не делать глупостей.

— Ну не могу же я сидеть сложа руки! — сказал он, но как-то нерешительно.

⁴ Бача — парень.

Папаша хоть и был огромный и обладал невероятной силой, но после того убийства в парке я перестал его уважать. Он, чёрт подери, мог бы вмешаться, а не смотреть, как толпа ублюдков колошматит парня.

— Ты хочешь кого-то зарубить? — спросил я отца иронично.

— Того, кто тебя обидел.

— Тогда ты сядешь в тюрьму, а кому это надо? — я манипулировал им. — У тебя теперь хорошая работа, ты помогаешь всем, лучше дай мне денежку, чтоб я смог поехать на родину. Кстати, передам от вас подарки зятю и сестре.

— Ладно, езжай. Сколько тебе нужно? — отец положил топор и пошёл в дом за баблом.

Я уехал к тётке, но не поладил с ней, она придиралась ко мне по пустякам, страсть как мы ругались, чуть ли не дрались, так что пришлось вернуться обратно в Душанбе к родителям. А сейчас я хоть и отбил себе кулаки об стену, отец решил не давать мне денег на поездку, он встал с дивана и вышел во двор покурить. Я прошмыгнул мимо него, открыл калитку, но, прежде чем хлопнуть дверью, бросил:

— Хоть тело мое похороните в Цхинвали.

Я решительно направился туда, где обычно собиралась местная шпана. Отец звал меня, кричал, чтоб я вернулся, мол, дам бабла, только не делай глупостей! Но было уже поздно: парни в тубетейках преградили мне путь, а я, вместо того чтоб улепетывать, как раньше, вынул из кармана нож, нажал на кнопку, и длинное, похожее на пику лезвие с характерным щелчком выскочило из рукоятки. Я так устал бегать и прятаться от этих сволочей, что шёл на них, надеясь заколоть как можно больше ублюдков, а там будь что будет. И вдруг парни в тубетейках дрогнули и побежали, я остановился, не понимая, в чём дело: неужели они испугались жалкой пики?

— Вашу мать! — услышал я чей-то страшный голос. — Только троньте его — я вас всех изрублю!

Я оглянулся и увидел огромного волосатого мужчину с топором, в котором едва узнал отца — до того он был разъярён. Из одежды на нём были только трусы до колен, он бежал ко мне на помощь, и, судя по его виду, это была не пустая угроза...

РЕКВИЕМ ПО УШЕДШИМ

В начале осени Беса явился во двор пятой школы навестить друзей. Он брел от одного памятника к другому, держа в руке початую бутылку водки, рассматривал рисунки на черном камне, шурясь, читал надписи. Если покойник оказывался знакомым, Беса останавливался, разговаривал с ним, выливал немного водки на землю, бормотал «рухсаг у» (света тебе), делал глоток и, пошатываясь, подгрребал к следующей могиле.

У памятника Мельсу Кочиеву он бросил якорь: «Привет, вот мы и встретились, дружище, — Беса по-пьяному шумно вздохнул, присел на корточки и продолжал: — Прости, брат, в прошлый раз я не смог дойти до тебя. Вырубился прямо на могиле Гамлета. Знаешь, что мне снилось? Будто я держал в руке маленького чёрта с большими рогами, и он ревел, как три медведя, до самого утра. Но это не важно, я ночевал здесь и до тебя и видел сны похлеще. Ты, я знаю, молчун, не любишь зря болтать, но согласишься, что сам бы ни за что не получил гранатомёта. Виталика благодарил. — Беса кивнул на памятник рядом. — Он за тебя глотку драл, кричал, что вы служили вместе в армии и что ты великий гранатомётчик. А командиры смеялись в ответ, потому что РПГ⁵ был на вес золота. Весь наш состав вступился за тебя, мы были уже силой, и спорить с нами стало опасно. И ты получил эту трубу и таскался с ней из боя в бой, пока не подбил два БРДМа в Гуджабаури. Это было круто, брат, и мы, твои друзья, страшно гордились тобой. Да что мы, весь город говорил о тебе как о герое. За твой мужской поступок, брат!» Беса поднёс ко рту бутылку, сделал глоток и, занюхав рукавом джинсовой куртки, вспомнил о втором достойном поступке своего безмолвного друга.

Мельс махнул с отрядом добровольцев в Абхазию. И там попал в такой замес, что будь здоров. Сам Мельс не любил об этом говорить, хоть Беса и просил друга рассказать, как было дело. Беса даже напоил его хорошим вином, и тот, опьянев, совсем ушёл в себя и в конце концов уснул за столом. Но потом Андрейка рассказал про этот бой. Оказывается, цхинвальс-

⁵ РПГ — ручной противотанковый гранатомет.

кий отряд стоял у въезда в Гагру, а утром на него напали грузины. Впереди шли танки, позади — пехота. Наши не ожидали такого и сначала дернули, но потом остановились, залегли и стали бить по пехоте из автоматов и пулеметов. По легенде, у Мельса была настоящая дуэль с передовым танком: Мельс выстрелил в бронемашину из РПГ, не попал, да ещё и выдал себя. Танк остановился, повернул в его сторону дуло, пальнул и превратил в пыль бетонную плиту, за которой тот прятался. Мельса, однако, не задело, он появился из белого облака как привидение, прицелился и подбил танк. Атака захлебнулась, и грузины повернули обратно.

Андрейка Козаев сам, говорят, тоже отличился, он один захватил БРДМ⁶. Но что стало с экипажем? Убил он их или они убежали, бросив бронемашину? Андрейка вернулся из Абхазии совсем другим человеком, он будто повзрослел лет на двадцать, рассуждал как государственный муж. Он, кстати, тоже тут лежит. Аца Маргиев, бедняга, погиб в том бою. А от Петрова ничего не осталось, говорят, на него, раненого, наехал танк и кружился на нём будто в вальсе.

Беса встал и начал прощаться: «Ну я пойду, братишка, спасибо тому, кто присматривает за твоей могилкой, гляжу, и у Виталика чисто, аж сердцу приятно. А вот к Эрику Кабулову никто не ходит. Я сейчас к нему потопаю, давненько у него не был, боюсь, как бы он опять не зарос».

Но, к удивлению Бесы, могила Эрика была убрана, мало того, кто-то положил к его памятнику букет цветов и бутылку шампанского. Беса расчувствовался, хлебнул водки, и тут к нему подбежал мальчишка и спросил:

— Дядя, а вы знали Эрика?

— Конечно, знал, — ответил Беса дрогнувшим голосом. — Мы были друзья, воевали вместе.

— Моя сестра хочет поговорить с вами.

— Какая сестра? — Беса оглянулся по сторонам, пространство перед ним расплылось, будто он нырнул в Лиахву и открыл под водой глаза.

— Она вон там стоит, у забора, видите?

Пошатываясь, Беса побрёл за мальчиком и остановился перед девушкой, одетой в жёлтое платье. Та протянула ему руку, Беса пожал её своей потной ладонью и сглотнул подступивший к горлу тяжеленный горький ком.

— Здравствуйте, — сказала девушка. — Вы знали Эрика?

Беса не мог говорить, только кивнул.

— Мы с Эриком планировали свадьбу на сегодня.

Бутылка упала на землю, и почва под ногами жадно поглощала лившуюся из горлышка водку, пьянела и шатала опухшего от боли Бесу.

— А Эрик спел вам? — спросил мальчишка Бесу, не дождался ответа и, открыв щербатый рот, восторженно продолжал. — Он классно играл на гитаре, она теперь у нас дома лежит.

Беса и представить не мог Эрика с гитарой, его друг всегда ходил с пулемётом на плече.

— Эрик сочинил песню — рекем по ушедшим, — сказала девушка. — Но кто его споет? У вас случайно нет знакомых музыкантов?

Беса отрицательно мотнул головой и, опустив взгляд, смотрел, как капли падали на траву, хоть и не было дождя, в Цхинвал пришло бабье лето, и небо над городом было ясное.

ЗЕЛЁНАЯ «ВОСЬМЁРКА»

Уау, Анна приехала, дошли наконец-то до Бога мои молитвы! Милая, как ты могла бросить на целых два года человека, безумно тебя любящего? Мне было известно, что ты в Москве, но где там искать тебя — город-то не маленький. Никто не знал твоего адреса, даже твой родственник Беса, или всё-таки он был в курсе, где ты, но помалкивал. Хотя сейчас это уже не имеет никакого значения. Знаешь, я соблазнил твою рыжую подружку, напоил её вином, но она не сдала тебя, просто вырубилась. Так что не верь ей, если она начнет рассказывать тебе про меня гадости. У неё, кстати, триппер, она и Бесу, твоего троюродного брата, заразила. А я каждый вечер приходил в парк, откуда виден твой дом, надеясь увидеть в окнах свет, и всякий раз натыкался взглядом на темные стекла с изображением убывающего или растущего месяца.

Я не мог оторвать взгляда от Анны, а она в невообразимо откровенных джинсовых шортах стояла на балконе и, облокотившись на перила,

⁶ БРДМ — бронированная дозорно-разведывательная машина.

переговаривалась со своей рыжей подругой. Я подумал, что Анна, возможно, просто галлюцинация — у меня уже было такое, и решил проверить, реальная она или воображаемая.

Я пролез в кусты самшита, закурил и, не сводя глаз с балкона, медленно стал тушить на руке сигарету. Мне было больно, но я улыбался, потому что Анна не растворилась в воздухе, как табачный дым с запахом паленой шерсти и горелого мяса...

* * *

Зелёная «восьмёрка» не спеша приближалась к автозаправке...

Обычная бензоколонка у села Мамисантубан превратилась в обменный пункт между двумя враждующими сторонами. По сути, это был чёрный рынок, люди приезжали сюда, чтобы купить продукты, оружие, наркотики, одежду. Здесь велись переговоры о выкупе или обмене пленными, и с этой же заправки можно было махнуть в Грузию проводить родственников или продать обесцененную войной квартиру. Правда, не все возвращались обратно, многие до сих пор считаются без вести пропавшими.

Зелёная «восьмёрка» проехала мимо небольшого покатога поля, за которым виднелись крыши домов села Мамисантубан. И, развернувшись у бензоколонки, остановилась возле сада, огороженного провололочной сеткой. К машине подошла женщина с сумкой и спросила водителя:

— Вы не в Тбилиси едете?

— Вы не ошиблись, калбатано⁷. У меня как раз сидят два клиента, вы будете третьей, обещаю, что дорога будет весёлой.

* * *

Мать уехала во Владикавказ, а мы с Бесой, воспользовавшись её отсутствием, сгоняли на малый базар, купили там большой кусок жёлтого вонючего сыра, горячих лепёшек, зелени и грибов.

Домой мы вернулись на машине знакомых мародёров, по дороге я предложил им кутнуть вместе с нами. Но они, сославшись на неотложные дела, вежливо отказались. Мы пожелали ребятам удачи и, томимые жаждой, кину-

лись домой, быстренько раскидали жратву по тарелкам, сели за стол и за день выдули двадцатилитровую бутылку вина. Я устал от пьянства, очень жалел, что поел грибов, да и гость раздражал своими призывами к мщению, дескать, мы должны наказать ублюдков, иначе какие мы горцы? Я говорил ему: «Остынь, мы, конечно, убьём насильников, но знаешь, у меня есть идея получше. Озвучил бы, да боюсь задеть твои чувства». — «Валяй, Таме, но учти: если начнёшь гнать пургу, дам тебе в пятак». Беса сжал в руке стакан с такой силой, что он лопнул, вино расплескалось, и на белой скатерти образовалось красное пятно. Потом бац об свою голову бутылку с минералкой и усыпал закуску мелким битым стеклом. У нас такими фокусами младенца не удивишь, но я сделал вид, будто очень напуган, и попросил Бесу остановиться. Однако тот не внял мольбе и продолжал тянуться к маминому любимому кувшину, и я решил спасти старинную, доставшуюся от деда пузатую ёмкость.

— Беса, оставь в покое кувшин, слушай сюда! Один из этих ублюдков — отец будущего ребёнка, а значит, твой родственник. Предлагаю выкрасть его и женить на твоей тётке.

— Верно! — Беса на радостях наполнил стакан вином, заставил меня выпить и съесть грибов на закуску. — Рожать в пятьдесят не всякая сможет. А тётка уже на девятом месяце. Погоди-ка, а как мы узнаем папашу, их ведь было трое в зелёной «восьмёрке»!

— Да пофиг, мы заставим сыграть всех в русскую рулетку. Кто останется жив, тот и отец.

— Здорово придумал! Дай-ка я тебя расцелую!

— Эй, отвали, не надо меня слюнявить!

— Я же чисто по-братски, по-пацански.

— Ладно, слушай сюда, бестолочь: мы наденем женские платья, сбреем щетину, накрасимся помадой поярче, будем как приманки — понимаешь мою мысль?

— Хорошая идея, но нельзя ли проверить это дельце как-то по-мужски? Мы ведь горцы, а не пидоры!

— Беса, давай-ка без этого грёбаного пафоса, и потом среди горцев тоже попадают пидоры...

⁷ Калбатано — обращение к женщине на грузинском языке.

* * *

Внезапно меня скрутило, я бросился в туалет, прихватив с собой автомат. И по дороге в сортир неясные подозрения сплелись в одну жёсткую, как ремень из крокодильей кожи, мысль: «Беса отравил меня! Он хочет взять себе моё оружие — своё он заложил, когда мы лечились от триппера. Хитро придумал, гад, никому и в голову не придёт, что это убийство, все будут думать, что я отравился. Беса прекрасно знал, что я не ем грибов, тем более закатанных в банку какой-то грязной бабой с рынка. Сам он даже не прикоснулся к этим «мухоморам», которые называл с ухмылкой шампиньонами, зато заставил меня жрать. Для верности подсыпал в мой стакан с вином битого стекла, я-то, дурак, не сразу догадался, почему он бьёт об свою башку бутылки. Пожалуй, на этот раз мне не отвертеться от смерти, а Беса возьмёт мой автомат и один пойдёт на выгодное дело. Одна только зелёная «восьмёрка» стоит больше тысячи баксов, чуваки внутри, надо полагать, тоже не с пустыми карманами сидят, чай, баблом набиты, плюс стволы заморские. Ну ничего, я сделаю так, что оружие не будет стрелять, и Беса сам попадет в ловушку».

Я уселся поудобнее на толчке, разобрал оружие, вынул боёк, положил в карман, затем снова собрал его, вернулся в комнату и хотел сзади захватить Бесу по башке прикладом, но промазал, упал, и меня вырвало на мамин любимый палас.

* * *

В палату вошёл врач в забрызганном кровью халате и спросил меня, как самочувствие.

— Получше, спасибо, тошнота прошла, не рвёт и в туалет не так часто тянет.

— Ну вот и хорошо, — улыбнулся мясник, — сейчас велю медсестре поставить тебе капельницу.

— Слушай, док, я из-за грибов попал сюда или как?

— Скорей это было алкогольное отравление, ну и сопутствующие войне стрессы...

В дверях появился увешанный оружием Беса, поздоровался за руку с врачом и предложил ему дунуть.

— А дурь-то хорошая?

— Просто убийственная! — Беса закатил глаза.

— Подожди меня, пожалуйста, тут, я завершу обход, — сказал бодро доктор, подкатил к старику, выслушал жалобы, обещал и ему поставить капельницу, кивнул нам: дескать, я скоро вернусь, и вылетел из палаты.

Беса устроился у меня в ногах и стал рассказывать про то, как вчера он с Анной пошел в Мамисантубан. Они выбрали участок за полем поближе к бензоколонке, он спрятался за орехом и в бинокль смотрел на трассу, а приманка Анна в сексуальных шортиках долбала тяпкой землю. Мародёр Филин, тот самый, что застукал свою жену с любовником и застрелил обоих, заметил Анну. Он клюнул, подплыл к огороду, хотел перемахнуть через забор, но зацепился одеждой за края сетки и застрял. Тогда же на дороге появилась зелёная «восьмёрка». Всё произошло быстро: машина съехала с трассы и остановилась у забора, на котором вместо чучела болтался человек. Беса решил, что пора брать насильников в плен, но Филин оказался проворнее и стал палить из пистолета в зелёную «восьмёрку». Из машины тоже стали жарить, и мародёр задёргался на заборе. Когда Беса выбежал из засады, все, кроме Анны, были мертвы. У неё, конечно, был шок, ну да ничего, пройдёт, сама как-никак напросилась.

Беса положил на мою кровать трофеи: новый короткоствольный автомат и пистолет мародёра Филина.

Мне представилось, как Беса выскакивает из засады, берёт на мушку машину и кричит: руки вверх! Но ему невдомёк, что автомат без бойка, зато у чувака в зелёной «восьмёрке» со стволом всё в порядке, и он начинает палить. Беса падает мёртвый, а трое обросших мужчин вылезают из автомобиля и хватают Анну.

— Беса, прости меня!

— За что тебя прощать? Всё нормально, у тебя был понос, ты немного похудел, но скоро поправишься!

— Нет, я не про это, ты ведь знаешь, что у меня мания преследования, мне нельзя пить, накуриваться и жрать грибы!

Беса подвинул ко мне трофеи, вынул из кармана лимонку и сунул мне в руку, как ребёнку погремушку:

— Возьми, мне это уже не нужно.

— Ты решил свинтить отсюда? — я положил гранату на матрас рядом с трофеями и накрыл арсенал одеялом.

— Меня пригласили в Москву на выставку — постараюсь остаться там.

Мы немного помолчали, потом я все-таки не выдержал и спросил:

— Как же Анна согласилась пойти с тобой на такое дело?

— Ты был в больнице, мне хотелось поделиться ещё с кем-то, я и зашёл к ней. Она налила мне виски, угостила пирогом. Я рассказал ей про план, который ты придумал. И ей захотелось со мной на дело.

— Беса, только честно: ты её трахнул?

— Ты спятил: она же моя троюродная сестра!

— Брось, она тебе седьмая вода на киселе, — я горько усмехнулся. — На Анне были такие шорты, что на неё клюнул даже мародёр Филин, а у него, говорят, не стоял, потому-то жена и пошла налево.

— Ещё раз скажешь про Анну такое, и я зубы тебе выбью!

Беса подскочил и, похоже, собрался дать мне в морду. Я выдернул из-под простыни автомат, навел на него и крикнул:

— Отвали, пока я не выбил из твоей башки мозги!

Губы Бесы скривились:

— Сначала проверь, на месте ли боёк, — он дёрнул к выходу, в дверях его уже поджидал врач, и пол заскрипел под их шагами в коридоре.

Я ещё немного полежал в кровати, потом подбежал к окну, посмотрел вниз и увидел перед корпусом больницы зелёную без лобового стекла «восьмёрку». Внутри смеялись, и тут до моего слуха донёсся голос Анны: «Ну, пожалуйста, не надо так шутить, я сейчас поднимусь к нему». Я весь затрясся от радости, и плевать мне было на то, что Беса показал из окошка машины фак.

□

ТАМЕРЛАН ТАДТАЕВ

родился в 1966 г. в Цхинвале.

Окончил Душанбинское художественное училище имени Олимова.

Учился в Москве во ВГИКе на сценарном факультете.

Прозаик, сценарист.

Автор книг «Сын», «Отступник», «Судный день»,

«Полиэтиленовый город» и «Иди сюда, парень!».

Публиковался в журналах «Дарьял», «Дружба народов», «Нева»,

«Бельские просторы», «Сибирские огни», «Юность» и др.

Лауреат «Русской премии» (2008), стипендиат СЭИП.

Премирован журналом «Нева» за лучшую публикацию 2008 г.

Член Союза писателей Москвы.

Живет в Цхинвале.

В журнале «Север» публикуется с 2009 года.

